

УДК 008:159.963.3

EDN YGOTQS

Научная статья

<http://centrniign.ru>

ISSN 2307-5775 (Print)

МЕСТО СНОВИДЧЕСКИХ ПРАКТИК В КУЛЬТЕ ПРЕДКОВ МОРДОВСКОГО НАРОДА

Ю. В. Кузнецова

Национальный исследовательский Мордовский государственный
университет им. Н. П. Огарёва,
г. Саранск, Россия
kuv@bk.ru

Аннотация

Статья посвящена выявлению места и роли сновидческих практик в культе предков мордвы как важной составляющей устойчивого существования традиционного общества. Рассмотрены самые древние представления о сновидениях в традиционных культурах, включая мордовский этнос, как явления сакрального характера, наделенные пророческими свойствами. Дана характеристика культа предков как комплекса похоронных и поминальных обрядов и ритуалов, призванных в символической форме облегчить душе переход в мир мертвых, что выступало в традиционном обществе гарантией сохранения равновесия между миром сверхъестественным и реальным. У мордовского народа культ предков являлся особенно почитаемым. Отмечена значимая роль сновидений в создании различных фольклорных форм, связанных с особым отношением мордвы к предкам. В связи с этим ведущее место в устно-поэтическом творчестве мордовского народа занимают былички (рассказы о явлении во сне умерших родственников).

Подчеркнута амбивалентность отношения в традиционных культурах к загробному миру и предкам, которые рассматриваются не только как защитники рода, но и как потусторонняя враждебная сила. У мордвы эта двойкость нашла выражение в быличках о появлении покойного в виде нечистой силы.

Отмечено, что мордовский народ придавал большое значение толкованию снов. Сновидения, связанные с покойными, получили у мордвы устойчивую трактовку.

Ключевые слова: сон, сновидение, сновидческие практики, культ предков, мордовский народ, погребально-поминальный обряд, быличка, сонник

Для цитирования: Кузнецова Ю. В. Место сновидческих практик в культе предков мордовского народа // Центр и периферия. 2023. Т. 18, № 3. С. 57 — 64. EDN YGOTQS

Практически каждая традиционная культура сформировала собственные системы представлений о снах и сновидениях, исходя из особенностей своего мировоззрения и социального устройства. В свою очередь, сны сыграли значимую роль в конструировании взглядов о сверхъестественном, в том числе загробном мире и месте умерших предков в жизни человека и общества. По мнению ряда этнографов и антропологов (Э. Б. Тайлор, Дж. С. Линкольн, Б. К. Малиновский и др.), нет этносов, которые не придавали бы особого значения снам, а специфика отношения к данной области человеческого бытия у разных народов может рассматриваться в качестве ключа к пониманию проблемы культурогенеза. Таким образом, Ю. В. Кузнецова отмечает, что «в зарубежной и в российской научной литературе констатируется, что снам в традиционных культурах придается большое значение, и целостное представление о самобытности конкретного этноса невозможно без обращения к его сновидческим практикам» [4, с. 49].

Самые древние представления о снах в традиционных культурах, в том числе мордовской, заключались в вере в самостоятельное существование души, которая во время сна временно покидает тело человека. Интересно, что в некоторых случаях душа принимала зримый образ. Так, И. И. Потапкин, изучая поверья мордвы о колдунах и колдовстве, пишет: «Наиболее ранними, видимо, следует считать те поверья, которые повествуют о выходе души колдуна во время засыпания через рот в виде определенных существ, чаще в виде „огненного змея“, огненного клока, у которого „голова с человеческую, похожая на ковш“» [9, с. 161]. Сновидения воспринимались как результат соприкосновения с трансцендентной реальностью и выполняли значимую для мифологического сознания функцию связи со сверхъестественным миром, включая умерших предков. Ю. В. Кузнецова считает, что «можно признать типичным тот факт, что в традиционных сообществах сновидение рассматривается как явление сакрального характера, наделенное пророческими свойствами. Обусловлено это восприятием состояния сна как своеобразного пространства непосредственной коммуникации со своими предками, что во многом является основой существования человека в традиционном обществе» [4, с. 50]. Следует отметить, что представления о загробном мире и отношении к предкам являются наиболее древними и, безусловно, важнейшими составляющими мировоззрения человека, которые в значительной степени способствовали сохранению преемственности поколений.

Культ предков включает целый комплекс тщательно разработанных похоронных и поминальных обрядов и ритуалов, призванных в символической форме

А. С. Алёшкин.
Варда. Из серии
«Куда ушли боги
мордвы». 1996 г.

A. S. Aleshkin.
Varda. From the
series "Where
the gods of the
Mordvins have
gone". 1996

облегчить душе переход в мир мертвых, а также заручиться поддержкой со стороны умерших. Строгое соблюдение всех правил, связанных со смертью человека, выступало в традиционном обществе гарантией сохранения равновесия между миром сверхъестественным и реальным. Этические и обрядовые нарушения (например захоронение самоубийц, колдунов, убитых, отлученных от церкви в святой земле кладбища) могли негативно отразиться не только на семье покойника, но и на жизни всех односельчан. Так, Н. Телегин, рассматривая на этнографическом материале различные проявления феномена смерти в народной традиции, приводит примеры, фиксирующие в народном сознании подобную закономерность. Сновидения здесь помогают исполнить волю покойного и таким образом предотвратить возможное несчастье: «В одной деревне Екатеринославской губернии удавилась женщина. Родные похоронили ее около кладбища, хотя и без церковного обряда отпевания. Народ, однако же, загалдел: „Зачем паскудину около кладбища похоронили? Ее по закону, как собаку, прямо в прорву куда-нибудь бросить“. Хотели было отрыть покойницу, но священник не позволил. Вскоре после этого приснился одной местной женщине сон: удавившаяся будто бы просила у ней воды напиться: „Напоите, говорит, меня, тогда и дождь пойдет“ (а дело было в засуху). „Как бы напоить?“ — задумались жители деревеньки; потом решили и исполнили свое решение: ночью отрыли злополучный труп и вылили на него три бочки воды»¹.

¹ Телегин Н. Смерть в народной традиции — по материалам этнографических источников. Перуница: сайт. URL: <https://www.perunica.ru/etnos/10213-smert-v-narodnoj-tradicii-po-materialam-jetnograficheskikh-istochnikov.html> (дата обращения: 25.04.2022).

У мордвы, как и у других народов, распространено представление о двух категориях покойников: умершие естественной смертью и умершие неестественной смертью, так называемые заложенные покойники (колдуны, самоубийцы и опойцы). Погребально-поминальный обряд, совершаемый над последними, имел значительные отличия в месте, способе захоронения и других ритуальных действиях.

Поминальный обряд также был жестко регламентирован. Важным считалось не только выполнение обрядовой стороны, но и неукоснительное следование нужным датам, так как, по поверьям, покойные ждут этих дней и готовятся к ним, более того, поминального праздника ждут и другие души в загробном мире. В связи с этим Н. Телегин отмечает: «По каким-то причинам годовщину смерти дочери отметили на один день раньше, та приснилась матери и сказала во сне: „Как моя дянёк был, пришли постояли ли уголышка, ли у окошица — тиха, спакойна, ничего нет. А я ж усих пазазвала, и родных пазазвала и не родных пригласила (ужу ина мервяцов етых, покойникыв). Пыстайли, пыстайли и пашли“. Это пустое обманное приглашение привело к тому, что «так уж теперь уси ходють, зовуть. Хого зовут то и ходють. А мене никто не зовёт. Я ж обманула»².

И. Н. Смирнов констатировал важность соблюдения памятных дней и у мордвы: «Случается так, что о предках со временем забывают, оставляя их голодать. Такое поведение не проходит безнаказанно для виновных. „Родители“ предупреждают о своем неудовольствии, являясь во сне. „Эх, все едят, — говорит явившийся во сне предок, — а я стою в стороне, меня никто не кормит“» [10, с. 178]. В таком случае, чтобы задобрить покойного, необходимо было устроить внеочередные поминки. Причиной их проведения могли стать и эпидемия, мор скота, засуха и иные чрезвычайные ситуации. На поминках зажигали родовую свечу — атянь штатол, которая являлась древнейшим сакральным символом и напрямую соотносилась с образом священного Мирового дерева (воплощение универсальной концепции мира в мифологических представлениях мордвы), имевшего три яруса: нижний (корни) уходил в подземный мир предков, центральный олицетворял живущих на земле, верхний (ветви) устремлялся к миру богов. Таким образом, Мировое дерево выступало символом единства небесного, земного и подземного миров, связывая людей с божествами и предками.

Еще раз подчеркнем, что роль проводника воли умерших как хранителей моральных норм и традиционной обрядности в подавляющем большинстве играют сновидения. М. А. Вавилова в книге «Фольклор в контексте культуры: похоронно-поминальные обряды» пишет: «Души умерших, по народным рассказам, навещая родственников во сне в прежнем человеческом облике, дают полезные советы, высказывают просьбы, предупреждают об опасности, беде. Рассказ Ховринцевой Ольги Руфовны, 27 лет: „Спустя несколько дней после смерти матери мне приснился сон. Снится, что пришла мать, недовольная, говорит мне: „Оля, переправь мне сухую одежду, я вся сырая, в воде лежу от ваших слез. Переправь костюм с мужчиной“. Я спрашиваю: „А как, мама, мне его найти, где он живет? Как, мама, тебе переправить-то его?“ Она (мать), называет адрес, имя мужчины, дату назвала, когда нужно передать костюм, — и ушла. Я действительно все выполнила: собрала костюм, пошла в указанный день по адресу. А там действительно умер мужчина. Я попросила разрешения передать костюм, положила его в гроб. Так и переправили» [2, с. 8].

Следует отметить, что культ предков у мордовского этноса возник на этапе патриархально-родового развития и нашел отражение практически во всех

Поминание предков. Село Анаево Беднодемьяновского уезда Пензенской губернии. Фото Н. И. Спрыгиной. 1920-е гг.

Commemoration of the ancestors. The village of Anayevo of the Bednodemyanovsky District of the Penza Governorate. Photo by N. I. Sprygina. 1920s

² Телегин Н. Смерть в народной традиции — по материалам этнографических источников. Перуница: сайт. URL: <https://www.perunica.ru/etnos/10213-smert-v-narodnoj-tradicii-po-materialam-jetnograficheskikh-istochnikov.html> (дата обращения: 25.04.2022).

элементах народной культуры: мифологии, фольклоре, обрядах (погребально-поминальный, родильный и свадебный). Памятники материальной и духовной культуры, письменные источники и фольклор служат специалистам разных профилей — этнографам, историкам, культурологам, лингвистам и фольклористам — богатым материалом для исследований в данном направлении.

Начало научному осмыслению особенностей отношения мордовского народа к умершим членам семьи и рода были положены еще в дореволюционный период. Этнографическая историография XIX в. представлена рядом трудов, посвященных рассмотрению дохристианских верований и обрядов, которые были непосредственно связаны с культом предков. Большее значение в данном контексте имеют работы В. Н. Майнова [6], П. И. Мельникова (Андрея Печерского) [7], М. Е. Евсевьева [3], И. Н. Смирнова и других ученых.

И. Н. Смирнов в труде «Мордва. Историко-этнографический очерк», отметив многообразие семейно-бытовых обрядов, связанных со смертью (погребальные, поминальные ритуалы), сделал ряд важных выводов. Во-первых, ученый констатировал схожесть воззрений мордвы на смерть и загробную жизнь с другими финно-угорскими народами. Во-вторых, истоком погребальных и поминальных обрядов назвал веру в реальную связь мира живых с умершими, обладающих сверхъестественными способностями влиять на жизнь потомков. Покойники могут выполнять как защитные функции (например, предупреждать родственников о грозящих опасностях, давая хорошие советы), так и функции хранителя традиций (в случае их нарушения посылают наказания в виде болезней, мора скота и даже смерти) [11, с. 67]. В связи с этим еще

И. Н. Смирнов писал: «В поверьях и обрядах, которые практикуются в исключительных случаях жизни, раскрываются новые стороны влияния умерших на судьбу живых. Предки оказываются не только хранителями благосостояния своих потомков, но и нравственных устоев их жизни» [10, с. 172]. Таким образом, все элементы похоронных обрядов мордвы непосредственным образом связаны с данными воззрениями, лежащими в основе культа предков.

Н. Ф. Мокшин в работе «Религиозные верования мордвы» отметил, что у мордовского этноса, как и у других финно-угорских народов, в качестве формы религии был развит культ предков, выразившийся в ее дохристианских верованиях и сложном ритуально-обрядовом комплексе. По мнению исследователя, погребальные ритуалы уходят корнями в глубокую древность с характерным для нее суеверным страхом пред мертвецом, как чем-то нечистым и опасным. Постепенно они усложнялись и приобретали религиозное содержание, в результате чего умершие предки наделялись сверхъестественными свойствами и стали вызывать почтение и страх [8, с. 22].

В культе предков особое значение приобретает способ связи с миром умерших. Проводником между живыми и мертвыми, как уже было сказано ранее, часто выступают сновидения. По мнению Ю. В. Кузнецовой и М. В. Финаевой, «для крестьянина сон оказывается прямой речью потусторонней сферы постольку, поскольку интерпретация сновидения происходит в момент его припоминания. Это не просто речь, но речь-действие: она указывает, рекомендует, предупреждает» [5, с. 79].

В конце XIX в. А. В. Баловым были выделены сны об умерших людях как занимающие особое место в

И. С. Горюшкин-Сорокопудов. Рождественский моляч у языческой мордвы. 1912 г.

*I. S. Goryushkin-Sorokopudov. Christmas prayer at the pagan Mordvins. 1912
(URL: https://vk.com/wall-146259922_1824)*

культуре и традиционных мифологических представлениях народа: «Они выполняют роль реплики потустороннего мира, адресованной конкретному человеку и побуждающей его к совершению соответствующих действий» [1, с. 213]. Так, мордва, прежде чем принять какое-либо важное решение, «советовалась» с покойными. Это делали следующим образом: кто-то ложился спать на могилу предков. Приснившийся ему здесь сон считался их ответом, после его толкования люди принимали соответствующие действия.

Кроме того, сновидения, будучи важным звеном мифотворчества, занимают особое место при создании различных фольклорных форм. По мнению Б. А. Успенского, «роль снов в создании мифических рассказов и поверий, по-видимому, исключительно велика» [13, с. 67].

Одной из распространенных фольклорных форм выражения культа предков у мордвы являются былички. В сборнике «Устно-поэтическое творчество мордовского народа» (Т. 10) они распределены по нескольким тематическим группам: о покровителях леса и воды; о домашних духах-покровителях; о подмененных детях, проклятых людях и мертвецах; о неизвестных страхах; об оборотнях. Несмотря на неоднородность содержания быличек, различные тематические группы представлены сюжетами о потустороннем мире и повествуют о явлении человеку «родных покойников». «Приходит, — говорит, — днем Рузанькин Наум. Смотрю — мой сват. Поздоровались с ним. Это ведь мой сват, от вина умер. Побеседовали и тот говорит: „Теперь мне, сват, пора домой“».

Повернулся и покачиваясь-покачиваясь пошел. Превратился в вихрь, подхватил копну сена (полвоза), поднял вверх и отнес саженой на двести. Говорил как живой. Вот сват в гости приходил» [14, с. 167].

Необходимо отметить, в части быличек описываются сверхъестественные события как бы произошедшие в реальности, а не во сне, что можно связать с желанием рассказать как можно убедительнее и достовернее. Однако чаще явление «родного покойника» происходит во сне или в некоем пограничном состоянии.

М. А. Тростина выделяет ряд мотивов прихода во сне умершего предка. Они связаны с его функциями строгого хранителя традиций и помощника членам семьи: «Когда умерла моя мать, я легла с детьми спать и подумала, что когда-нибудь, а умирать надо, все равно на том свете ничего нет! Сплю я ночью и чувствую, будто бы подходит ко мне мать и говорит: „Все, дочка, есть, и тот свет есть. Мы с вами, только вы нас не видите!“ Похлопала меня по плечу и ушла. Я вскочила с постели, а матери нигде нет (с. Темяшево, Ста-

рошайговский район)» [12, с. 41]. Или когда родные и близкие умершего проявляют чрезмерное страдание: «Мать у меня, когда померла, я плакала и день и ночь, и не спится мне, и никак не снится моя мать. Да после я говорю: „Да что это! Людям снится, а мне не снится!“ И легла. Лето, июль месяц, в терраску легла. И слышу: кто-то заходит. Я говорю: „Наверное, какая-то девчонка заходит из клуба, открывает терраску“. Смотрю — мать идет, и как меня цапнула. Верите: рука холоднее льда. Как я закричала, я думала, все двери с петель слетят. Я утром корову подоила, пошла гнать в стадо, а бабушка, соседка, говорит: „Валь, а чего у тебя рука-то вся синяя?“ И вот коров проводили, сели мы с ней, я говорю, вот так и так. „Больше не плачь, — она все, — больше не плачь!“ А рука черная прям была (с. Отрадное, Чамзинский район)» [12, с. 41].

Душа усопшего приходит в снах к живым родным, чтобы проститься с ними по истечении сорока дней: «Вот что расскажу я вам, покойников-то не всем ведь слышать дано. Умер тут у нас в деревне дед, я читать пошла, как всегда. И вот читаю я, а время-то уж где-то первый час ночи. Все остальные девчонки решили у меня канты взять переписать, понравилось им, и сидят за столом и пишут. А напротив меня девочка сидит, внучка его, у нее еще мать слепая. Сидит и слушает, как я бубню. Окно у нас открыто было. И вдруг, слышу я из окна свист такой, тихий-тихий. Девчонка тут как вздрогнет и на меня смотрит, я подумала и, чтоб ее не напугать, говорю: „Ну, вот и дед наш ушел“. А те, что за столом сидели, ни одна не слышала, только я да девочка эта. Вот как (с. Козловка, Атяшевский район)» [12, с. 41].

О. А. Черепанова отмечает, что «отношение к смерти и к умершим у человека всегда амбивалентно. С одной стороны, предки, все умершие родственники считаются охранителями и помощниками живущих, и поэтому сложилось почтительное и даже любовное отношение к ним. Но человеку свойствен инстинктивный страх перед таинством смерти, вследствие чего человек воспринимает враждебно многое из того, что связано со смертью, и даже идея загробной жизни не победила этот страх»³.

Так, у мордвы распространены рассказы о появлении покойного в виде нечистой силы: «Это происходит в том случае, когда родные (дочь, мать, вдова и т. д.) долго тоскуют по умершему, зовут его, плачут. Главное в этой ситуации — вовремя распознать оборотня по отличительным признакам (хвосту, шерсти, отсутствию тени или креста на шее) и суметь изгнать его из дома: „Я слышала от мамы. Вот женщина, у нее муж, или дочь, или еще там кто-то умер, и она очень тосковала. И к ней вроде летал черт не черт, муж не

³ Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / сост. и авт. коммент. О. А. Черепанова. СПб., 1996. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/mip/hol/ogi/che/skye/index.htm?ysclid=l3bg2fysa8> (дата обращения: 18.05.2022).

муж там, а кто. В 12 часов ночи прилетает к ней с хвостиком — и в трубу. И она дома его угощала, ставила все на стол. А утром вставала, ничего нет, как только кашки какие-то. Вот это я слышала. Но говорили, что видели, как к ней в трубу летает. Ну ее спрашивала. Она говорит, что летает к ней дочь или кто-то“ (с. Редкодубье, Ардатовский район)» [12, с. 42].

В быличках описываются и явления человеку во сне пугающих образов, хотя напрямую не связанных с «родными покойниками», но представляющих потустороннюю враждебную силу как одно из проявлений культа предков. Как отмечал И. Н. Смирнов, «в этот мир сверхъестественных сил вводят нас души усопших. Они в своих заботах об оставшихся на земле родичах тесно сливаются с рядом духов, покровительствующих дому мордвина во всем хозяйственном объеме этого слова. На первом плане в этом ряду стоят духи, покровительствующие непосредственно жилищу — куде или юрте: Куд-ава (Куд-атя), Юрт-ава (Юрт-атя), Юртыгн-гирьди — хранитель дома, Кудонь-шибавас (у мокши); кроме того, в качестве хранительницы домашнего огня — Петнядзь-азыр-ава» [10, с. 183]. Духи принимают различные виды, например, седой старухи или старика: «Была зимняя лунная ночь. Жена Александра спала на печке, а ребятишки — на полатях, я спал на полу. В полночь слышу: над головой у меня кто-то прядет, и веретено так визжит. Открыл я глаза и вижу седую старуху. Волосы ее распущены, в белой рубашке. Я поскорее поймал ее за ногу, а ноги ее толстые, вскочил, двумя руками вцепился ей в волосы и начал бить. Она же лишь стонет. Только хотел я ее выгнать из дома, упал на постель и больше ничего не помню» [14, с. 169]. Видение духов часто рассматривалось как предсказание несчастий: «У нас болел старик, и я всю ночь не спала. Однажды слышу: за печкой кто-то горько причитывает. Смотрю: вышла на середину избы седая старуха и стала расчесывать свои волосы, а сама все причитывает. Потом потихоньку с плачем вышла из избы. Утром встали — старик умер. Я как увидела домовую старуху, так и подумала, что не к добру она показала себя, да еще так нехорошо, сердце разрывая, причитывала» [14, с. 169].

По мнению Ю. В. Кузнецовой, мордовский народ придавал большое значение расшифровке снов, а толкователи сновидений считались посредниками между сакральностью и профанностью. «Во многих селах были „содай ломатъ“ (знающие люди), которые понимали язык сновидений, считались знахарями, волшебниками и колдунами, имеющими связь с богами и предками» [4, с. 51]. Сновидения, связанные с покой-

А. С. Алёшкин. Куд-Атя.

Из серии «Куда ушли боги мордвы». 1994 г.

A. S. Aleshkin. Kud-Atya. From the series "Where the gods of the Mordvins have gone". 1994

ными, получили устойчивую трактовку. Например, «если снятся умершие родители — это к добру», «говоришь с покойником — не к добру», «покойник даст что-нибудь — не к добру», «покойника увидишь (труп) — не к добру». В данном случае прослеживается дуалистическое отношение к миру мертвых. С одной стороны, «родные покойники» выступают как защитники, т. е. снятся «к добру»; с другой — образы умерших несут некую угрозу и трактуются в общем виде «не к добру».

Таким образом, рассматривая особенности культа предков мордвы в контексте ее мифологических воззрений, можно констатировать значимую роль сновидческих практик в формировании представлений о загробном мире, а также системы отношений с умершими как важной составляющей устойчивого существования традиционного общества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Балов А. В. Сон и сновидения в народных верованиях // Живая старина. 1891. Вып. 4. С. 208 — 213.
2. Вавилова М. А. Фольклор в контексте культуры: похоронно-поминальные обряды. Вологда: Граффити, 2010. 122 с.
3. Евсеев М. Е. Избранные труды: в 5 т. Саранск, 1966. Т. 5. 552 с.
4. Кузнецова Ю. В. Сны и сновидения в контексте традиционной культуры (на примере финно-угорских народов) // Центр и периферия. 2019. № 1. С. 49 — 53. URL: <http://niign.ru/centrandperifirya/czentri-i-periferiya-nomer-1-2019-s-datoj.pdf>
5. Кузнецова Ю. В., Финаева М. В. Традиционные представления о сне и сновидениях в народной культуре мордвы // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2016. № 3 (39). С. 77 — 83. URL: <http://niign.ru/nauchnie-jurnaly/vestnik-3-2016u.pdf>
6. Майнов В. Н. Очерк юридического быта мордвы [2-е изд.]. Саранск, 2007. 296 с. URL: <http://niign.ru/knigi/majnov-ocherk-yuridicheskogo-byita-mordvyi.pdf>
7. Мельников П. И. (Андрей Печерский). Очерки мордвы. Саранск, 1981. 134 с.
8. Мокшин Н. Ф. Религиозные верования мордвы / 2-е изд., доп. и перераб. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1998. 244 с.
9. Потапкин И. И. Колдуны и колдовство в поверьях и суевериях мордвы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 8 (82). С. 159 — 162.
10. Смирнов И. Н. Мордва: ист.-этногр. очерк. [2-е изд.]. Саранск: Тип. «Красный Октябрь», 2002. 296 с. (Сер. «Наследие»). URL: <http://niign.ru/knigi/smirnov-a.-p.-mordva.pdf>
11. Сушкова Ю. Н. Обычно-правовые аспекты дохристианских верований мордвы // Финно-угорский мир. 2011. № 1. С. 62 — 69.
12. Тростина М. А. Образная система современных мифологических рассказов русских и мордвы (на фольклорном материале, собранном в Республике Мордовия) // Финно-угорский мир. 2014. № 4 (21). С. 38 — 42.
13. Успенский Б. А. История и семиотика (Восприятие времени как семиотическая проблема) // Ученые записки Тартуского государственного университета. 1988. Вып. 14 (831). С. 66 — 84.
14. Устно-поэтическое творчество мордовского народа: в 12 т. Т. 10: Легенды, предания, былички. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1983. 256 с. URL: <http://niign.ru/arhivnii/uptmn-t-10.pdf>

Информация об авторе:

Юлия Викторовна Кузнецова, доцент кафедры дизайна и рекламы Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68), кандидат философских наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8709-6081>, kuv@bk.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Статья поступила в редакцию 12.12.2022; одобрена после рецензирования 28.03.2023; принята к публикации 04.04.2023.

Original article

THE PLACE OF DREAM PRACTICES IN THE CULT OF ANCESTORS OF THE MORDOVIAN PEOPLE

Yu. V. Kuznetsova

National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia
kuv@bk.ru

Abstract

The article is devoted to identifying the place and role of dream practices in the cult of ancestors of the Mordvins as an important component of the sustainable existence of traditional society. The most ancient ideas about dreams in traditional cultures, including the Mordovian ethnos, as a phenomenon of a sacred nature endowed with prophetic properties are considered. The characteristic of the cult of ancestors is given as a complex of funeral and memorial rites and rituals designed in symbolic form to facilitate the transition of a soul to the other world of the dead, which acted in traditional society as a guarantee of maintaining balance between the supernatural and the real world. The Mordovian people especially revered the cult of ancestors. The significant

role of dreams in the creation of various folklore forms, associated with the special attitude of the Mordvins to their ancestors, is noted. In this regard, the bylichki (stories about the appearance of deceased relatives in a dream) take the leading place in the oral and poetic creativity of the Mordovian people.

The ambivalence of the attitude in traditional cultures to the other world and ancestors, who are considered not only as defenders of the family, but also as a supernatural hostile force, is emphasized. Among the Mordvins, this ambiguity found expression in the bylichki about the appearance of the deceased in the form of evil spirits.

It is noted that the Mordovian people attached great importance to the explanation of dreams. Dreams associated with the deceased got a stable interpretation among the Mordvins.

Keywords: dream, dream practices, cult of ancestors, the Mordovian people, funeral and memorial rite, bylichka, dream book

For citation: Kuznetsova YuV. The place of dream practices in the cult of ancestors of the Mordovian people. *Center and Periphery*. 2023;18(3):57—64. EDN YGOTQS

REFERENCES

1. Balov AV. Sleep and dreams in folk beliefs. *Living Antiquity*. 1891;4:208—213. (In Russ.)
2. Vavilova MA. Folklore in the context of culture: funeral and memorial rites. Vologda;2010. (In Russ.)
3. Evseviev ME. Selected works in 5 vols. Saransk;1966;5. (In Russ.)
4. Kuznetsova YuV. Sleeps and dreams in the context of traditional culture (the case-study of the Finno-Ugric peoples). *Center and Periphery*. 2019;(1):49—53. URL: <http://niign.ru/centrandperifirya/czentr-i-periferiya-nomer-1-2019-s-datoj.pdf> (In Russ.)
5. Kuznetsova YuV, Finaeva MV. Traditional ideas about sleep and dreams in the popular culture of the Mordvins. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2016;(3):77—83. URL: <http://niign.ru/nauchnie-jurnaly/vestnik-3-2016u.pdf> (In Russ.)
6. Mainov VN. An essay on the legal life of the Mordvins. Saransk;2007. URL: <http://niign.ru/knigi/majnov-ocherk-yuridicheskogo-byita-mordvyi.pdf> (In Russ.)
7. Melnikov PI. (Andrey Pechersky). Essays on the Mordvins. Saransk;1981. (In Russ.)
8. Mokshin NF. Religious beliefs of the Mordvins. Saransk;1998. (In Russ.)
9. Potapkin II. Sorcerers and witchcraft in the beliefs and superstitions of the Mordvins. *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 2017;(8):159—162. (In Russ.)
10. Smirnov IN. The Mordvins. Historical and ethnographic essay. Saransk;2002. URL: <http://niign.ru/knigi/smironov-a.-p.-mordva.pdf> (In Russ.)
11. Sushkova YuN. Aspects of customary law of pre-Christian beliefs of Mordovians. *Finno-Ugric World*. 2011;(1):62—69. (In Russ.)
12. Trostina M. A. The system of images of modern mythological stories of Russians and Mordovians (based on folklore material collected in the Republic of Mordovia). *Finno-Ugric World*. 2014;(4):38—42. (In Russ.)
13. Uspensky BA. History and semiotics (Perception of time as a semiotic problem). *Scientific Notes of the Tartu State University*. 1988;14:66—84. (In Russ.)
14. Oral and poetic creativity of the Mordovian people in 12 volumes. Vol. 10. Legends, stories, bylichki. Saransk;1983. URL: <http://niign.ru/arhivnii/uptmn-t-10.pdf> (In Russ.)

Information about the author:

Yulia V. Kuznetsova, Assistant Professor of Department of Design and Advertising of the National Research Ogarev Mordovia State University (68 Bolshevistskaya Str., Saransk 430005, Russia), Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8709-6081>, kuv@bk.ru

Conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final version of the manuscript.

The article was submitted 12.12.2022; approved after reviewing 28.03.2023; accepted for publication 04.04.2023.